

Въ изгнаніи.

На чужомъ берегу мы съ тобою одиѣ.
 За окномъ алая вьюга бушуетъ,
 А далеко въ роскошной родной сторонѣ
 Солнце лаской пьязитъ и чаруетъ.
 Вѣсто страшныхъ метелей и вѣтра угрозы
 Слышишь яркой листвы разговоры
 И омыты весеннею влагою грозъ.
 Въ даль уходять высокія горы.
 Здѣсь, тоскую, томятся цвѣты за окномъ
 И головки склонивъ, умираютъ.
 А деревья своимъ обнаженнымъ стволомъ
 И вершиной печально качаются.
 Ты озябла и молча, нугливо глядишь
 На покрытыя плѣсенью стѣны...
 Томить грустью тебя наступившая тишь
 И зловѣщія, сѣрая тѣни.
 Но не бойся, я снова тебя обойму,
 Заглушу ибѣней стоны метели.
 Забылась каминъ и забывши про тьму,
 Будемъ помнить: мы близки, вѣдь, къ цѣли. —
 Пусть на сѣверѣ зломъ мы съ тобою одиѣ.
 За окошккомъ пусть вьюги рыдаютъ.
 Но мы знаемъ, что въ дальней, родной сто-
 ронѣ

Маме имя доброты вспоминаютъ!
 Лидія Сохачевская.

VII-ая выставка картинъ въ аудиторіи екатери. научнаго о-ва.

Ихъ работы старыхъ художниковъ обраща-
 етъ на себя вниманіе „Семья“ — изъ инк-
 ле иллюстрацій къ русской исторіи — С. В.
 Иванова. Картина написана увѣреннымъ,
 сочнымъ мазкомъ хорошаго мастера. Въ кар-
 тинѣ много воздуха. Лица путешествующей
 мужицкой семьи написаны живо и характерно.
 Чувствуется въ нихъ сила, крѣпость, свѣ-
 тлѣсть необъятнаго пространства полей. Хорошо на-
 писаны этюды къ картинѣ „Смѣна“ — Н.
 А. Касаткина. Сильно, увѣренно, какъ
 — что-то въ родѣ бронзовыхъ лицъ шахте-
 ровъ бельгійскаго скульптора Менье. Приятны
 тонами написаны его же „Тканіи заль“
 и „Человѣкъ съ перьями“. Дальше — И.
 Е. Рѣзнякъ выставилъ портретъ покойнаго

В. В. Стасова. Портретъ написанъ со свой-
 ственнымъ Рѣзнику умѣньемъ и знаніемъ.
 Вспомнивъ портреты, — нельзя не заговорить
 о портретахъ, рисованныхъ соусомъ и сангва-
 ной — В. П. Мѣшкова. Такую вытѣшен-
 ность лица, — какъ у г. Мѣшкова, — можно
 видѣть развѣ только у старыхъ французскихъ
 живописцевъ и теперь у Габриэля Феррье. —
 Входишь и поражаешься ими, — словно жи-
 выя лица глядятъ изъ рамъ. Это говоритъ
 объ удивительной техникѣ этого мастера. Ка-
 жется, — будто все портреты написаны въ од-
 но и то же время, между тѣмъ, на каждомъ
 изъ нихъ дата другого года. Г-нъ Мѣшковъ,
 должно быть, уже сказалъ свое слово и боль-
 ше ожидать отъ него, кажется, нечего.
 Но, если г. Мѣшковъ только хорошей ма-
 стеръ, то В. А. Сѣровъ удивительный ху-
 дожникъ и психологъ человеческой души въ
 портретѣ. Вотъ его „портретъ Н. С. Поздня-
 кова“. Это уже не холодная, точная фото-
 графія. Такой портретъ — цѣлая книга, био-
 графія модели. Больше — въ немъ все, что
 въ нами вкоренилось въ характерѣ его пред-
 ковъ.
 В. А. Сѣровъ, точно экспериментируетъ
 свои модели. Онъ изгоняетъ изъ нихъ все
 случайное, условное, оставляя только то, что
 неотъемлемо, неотдѣляемо отъ ихъ души. Услов-
 ность — прочь, она въ любую удобную или
 неудобную минуту изменится произвольно, и
 остается только голый характеръ, этотъ крае-
 угольный камень всякаго великаго художе-
 ственнаго произведенія. Оттого-то этотъ пор-
 третъ кажется почти уродливымъ. И, дѣй-
 ствительно, можетъ быть еще одинъ мазокъ и
 это прекрасное художественное произведеніе
 превратилось бы въ карикатуру. Нужно об-
 ладать большимъ умомъ, художественнымъ
 чутьемъ и знаніемъ, чтобы такъ смѣло по-
 дойти къ предѣльной линіи падъ пропастью
 человеческой души, безстрашно заглянуть въ
 нее, въ ея мглистость, радость и горе и не
 сорваться.
 Тѣмъ же характеромъ дышутъ и другіе ри-
 сунки В. А. Сѣрова.
 Рядомъ съ Сѣровымъ можно поставитъ И.
 П. Ульянова, выставившаго пять интерес-
 ныхъ полотентъ. Его „Портретъ К. Д. Баль-
 монта“ написанъ очень живо, въ интерес-
 ныхъ тонахъ. Кажется, — это Бальмонтъ, ха-
 рактеризующій себя въ своемъ стихотвореніи
 „Я изыскалъ русскую медлительную рѣ-“

чи „... Портретъ К. Д. Бальмонта“ г. Улья-
 нова — весь движенье, глубокой, вѣчно жи-
 вущей, поэтичной поэтъ.
 Менше интересенъ „Портретъ Бориса Зай-
 цева“: его же. Это что-то въ родѣ блѣдной пер-
 ковной физиономіи. Если г. Ульяновъ хотѣлъ
 дать литературный обликъ Зайцева, то это
 ему не вполне удалось. Смѣло, рискованно,
 но красиво написаны „Качели“. Красивъ и
 затанчивъ старую сказку, тихо-молчаливый
 „Забывшій храмъ“.
 И. П. Ульяновъ — безусловно искренній,
 даровитый художникъ.
 Сочные этюды выставилъ А. П. Васне-
 цовъ. „Пень“ и „Лунайка“ производять
 здоровое, живое впечатлѣніе.
 В. Д. Полѣновъ интересенъ, какъ ху-
 дожникъ, но не какъ евангелистъ. Почему
 такое ибѣжное предразсвѣтное полотно, какъ
 скорбная женщина на прекрасномъ тепломъ
 пейзажѣ, названо: „Марія стояла у гроба
 и плакала“? Или „Предѣлы Тирскіе“ — по-
 чему непременно окрашены въ евангелическій
 тонъ?
 Какъ и у Иовиса де-Шаваля, въ его „Бизи-
 ни святой Женевиѣвы“ на стѣнахъ Пантеона
 въ Парижѣ. — „Марія стояла у гроба и пла-
 кала“ — полна какого-то таинственнаго, мо-
 литвеннаго экстаза. Все это только красиво,
 но не является иллюстраціей жизни Христа.
 Конечно, В. Д. Полѣновъ, вѣроятно, не
 такъ чувствовалъ то, что онъ говорилъ, но я
 бы, все таки, назвалъ это произведение кра-
 сивымъ панно.
 „Предѣлы Тирскіе“ написаны нѣсколько
 слащаво.
 Красивы, колоритныя пастели выставилъ
 Л. О. Пастернакъ. Особенно хороши
 „Купальницы“, „Утро дня рожденія“ и
 „Эскизъ къ портрету“. Милки акварели В.
 В. Переплетчикова. Интересно напи-
 сана „Лѣтняя ночь“ И. Г. Гугупова.
 Въ ней много настроенія и теплоты. Хорошо,
 талантливо написана „Осень“ — И. Ф. Бо-
 гаевскаго. Хотя мѣстами „Осень“ слиш-
 комъ тяжела и тревожна.
 Въ своихъ аквареляхъ г. Богаевскій напо-
 минаетъ Густава Моро.
 И. Ф. Богаевскій — художникъ тихій, вдум-
 чивый и искренній, что очень рѣдко среди ху-
 дожниковъ въ наше время.
 Какъ всегда, И. П. Вродскій кажется
 интереснымъ, но въ немъ теперь уже нѣтъ той

яркой силы, которую я зналъ много лѣтъ на-
 задъ. Неужели академія притупила его? Или
 это небрежность съ презрительнымъ: „Сой-
 деть“.
 И. К. Рерихъ выставилъ четыре неболь-
 шихъ рисунка. Этотъ художникъ-ученый, какъ
 бы милостиво снисходитъ съ высоты своего пре-
 стола къ провинціи. Къ счастью, это невыгод-
 но и не лестно для него. Вѣдь, если бы не
 называли, — эти вещи ничего не сказали бы
 о Рерихѣ. Они очень мало характерны для ху-
 дожника — автора „Идоловъ“, декораций къ
 оперѣ „Князь Игорь“, „Совѣтъ“ и др.
 Александръ Бенуа, Добужин-
 скій, Лукомскій... Все они, каждый по
 своему, интересны. У каждого своя физионо-
 мія, каждый живетъ не въ наши дни, а въ
 прошломъ.
 Интересны декоративныя рисунки Е. Е.
 Лапсере.
 Изъ провинціальныхъ художниковъ обра-
 щаетъ на себя вниманіе Е. А. Агафоновъ.
 Его Портретъ В. А. Бурной — интересенъ
 своей манерой письма. Модель оригинально
 посажена. Есть движеніе, характеръ, что все-
 го важнѣе въ портретной живописи. Портретъ
 написанъ въ приятномъ сѣромъ тонѣ. Въ
 немъ чувствуется какая то тяжелая слабость.
 Обратное впечатлѣніе производять другія
 вещи г. Агафонова. „Разноцвѣтное на зеле-
 ни“ — какіе то фокусы. Это полотно замѣ-
 чательно своей неискренностью. Въ фигурахъ
 сидящихъ и пляшущихъ дѣвочекъ — ни души,
 ни движенія, ни рисунка. Лучше его „Зелѣ-
 ное съ синимъ“, мѣстами напоминающее Се-
 запа. Тутъ все просто и мѣстами красиво.
 О другомъ харьковскомъ художникѣ Д. Бур-
 люкъ можно было бы и не говорить, хотя
 бы для того, что, говоря о немъ, все таки дѣ-
 лаютъ желательную ему рекламу. Когда я
 смотрѣлъ его пейзажи, мнѣ припомнился та-
 кой эпизодъ. Это было въ Парижѣ. Въ сосѣд-
 немъ со мной ателье жилъ художникъ Г. Од-
 нажды утромъ я вошелъ къ нему въ ателье.
 — Правится? Называется „Ева“? — спро-
 силъ онъ весело, указывая на полотно съ на-
 рисованной голой женщиной.
 У мольберта — столѣкъ съ апельсинами.
 — Для чего же апельсины? — спросилъ я.
 — Это, чтобы было ярче. — пояснилъ онъ
 мнѣ.
 Впечатлѣніе, — „чтобы было ярче“ — про-
 зоводять на меня планъ-эризмъ г. Бурлюка.

Онъ такъ же искрененъ, какъ художникъ Г.
 Бездарностей, конечно, во всякое время и
 во всѣхъ теченіяхъ въ искусствѣ очень мно-
 го и фокусы г. Бурлюка это только подтвер-
 ждаютъ. Вкусъ совершенно отсутствуетъ у г.
 Бурлюка. Ни линіи, ни красокъ. Дѣйстви-
 тельно, профаны тѣ, которые утверждаютъ, будто
 легко такъ писать. Я думало, что очень труд-
 но писать такія бездарныя, сухія вещи.
 Изъ мѣстныхъ художниковъ хорошіе этюды
 выставилъ М. П. Сапожниковъ. Любо-
 пытны рисунки г-жи Грифоновой. Въ сво-
 ихъ вышивкахъ, шкафѣ, столикѣ и карнизахъ
 она нѣсколько напоминаетъ кн. Тенишеву.
 Изъ русскихъ художниковъ, приехавшихъ
 сюда свои работы изъ Парижа, интереснѣй
 другихъ — г-жа Е. Кругликова, вы-
 ставившая нѣсколько офортовъ. Къ сожалѣ-
 нію, эти вещицы не характерны для г-жи
 Кругликовой. Все таки, вещицы мягки и при-
 ятны. Не дуренъ рисунокъ, сдѣланный въ
 Grand Opera во время русскихъ историческихъ
 концертовъ въ Парижѣ, организованныхъ Ди-
 гилевымъ. Хорошо написанъ „Портретъ“ г.
 Мутермилльхъ. Свообразно интересны по-
 лотка г. Хузарскаго, въ одно и то же
 время напоминающія и Гольбейна, и бельгій-
 цевъ.
 Нужно отмѣтить „Вѣчный покой“ г-жи
 Васильевой. „Худая женщина“ Ваиль-
 Донгена написана въ рѣзкихъ, быющихъ
 на нервы, но интересныхъ тонахъ, съ прекрас-
 ными рисунками рукъ и бюста.
 Есть нѣсколько малыхъ, довольно хоро-
 шихъ работъ Е. Гилзбургга. Хорошъ
 „Шалашникъ“, и особенно — Толстой. „Мак-
 симъ Горькій“ — какъ будто слѣпой.
 Мелькаютъ вещицы кievскаго художника
 Кропа, г. Врилловскаго.
 Въ общемъ, впечатлѣніе выставки весьма
 отрадное.

Б. К.—овъ.
 Статья эта уже была написана, когда по-
 лучились картины парижскаго художника Н.
 А. Тархова. Объ этомъ талантливомъ нашемъ
 соотечественникѣ, какъ и о Врубелѣ, еще по-
 говоримъ особо

Б. Б.